

Нина

Открыта глазам голубая равнина,
Дымится над городом в воздухе пыль.
Как взмахами рук разделяет их Нина,
Плывя на спине! Как назвать это? Штиль?
Блестящая гладь упокоенной силы,
Томящая яркость желтеющих глин,
И вечные поросли зелени стылой —
Отходят толчком в исчезающий клин.
Дыхание — как не принять с ликованием!
Свободу не спутать! А время — зачем?
Из моря, измучась, исторглись созданья,
Чтоб только обсохнуть! Да, только затем!
Ты слышишь, русалка, как воздух щекочет?
Ты видишь, как темное ищет пятно
Луч солнца? Ты знаешь, как тень твоя хочет
Тебя поглотить... Только ей — не дано!
Проиграна битва титанов и гадов,
Морская, в пупырышках, мокрая соль
На коже сверкает! А радость — от ада
Спасет, перекатная, юная голь!

* * *

Забывай меня скорее,
Город на большой горе,
Забывай, ведь я старею,
Словно точки и тире
В безнадежной телеграмме...
Город, в шаткой суете
Остановленный:
"Нет мамы",
На мгновенье, он — в беде.
Но тебя я не забуду —
Теплый шаркающий звук:
Ты идешь, спешишь — откуда?

По Дворянской, враг и друг.
Это ты меня ругаешь
За оставленную грязь.
Это ты меня пугаешь,
Издвательски смеясь.
Это ты на Ришельевской
Перевешиваешь тень,
Свет и полутени, — вместо
Тряпок — коротаешь день.
В горсаду сияешь медью,
Серебром усталых труб,
Дерибасовской, что бредит
Музыкой бродячих групп.
И мостишь большую площадь
Без скамеек и воды.
Открываешь шоу: лошадь!
Школу верховой езды.
Мы в одной огромной лодке,
Как китайцы на Янцзы,
Но уже есть течь в середине.
Опились гребцы бузы...
Рисовой спиртовой браги.
Чачи, пива, первача.
Выкинули в море стяги.
И рыдают по ночам.

Неужели с той весною,
С майским запахом от лип,
От акаций с резедою
Ветра с моря слышен всхлип?

От сигналящих посудин —
Этот шорох, этот звук?
Этот вздох, что неподсуден.
Все, за что прощаем вдруг?

* * *

Что-то сонное приснилось,
Что-то громко повинилось,
Где-то крошкой зашлось.
Растворилось и слилось.

Покачало головою.
Невеселой синевою
Опрокинулось в траву.
Омрачилось наяву.

Вспомнился тотчас июнь.
День не гас, и высоко
Небо белое, как лунь,
Смаргивало мне глазком.

Звезды бледные взошли,
Двинулись под мост суда.
И поплыли города,
Подаваясь из дали.

Ты был близко. Шел за мной
По граниту вдоль реки.
Ты стоял в саду, но сном
Скован, не подал руки.

Я в счастливом полусне
С той весны иду-иду.
Начался июнь. Я жду.
Снова говоришь ты мне...

* * *

Если бы знал мотылек голубой,
Нежно припавший к цветку надо мной,
Как этот короток день.

Он бы усилием всех своих сил,
Всем напряжением звездных светил,
Переборол свою лень.

Мой город

С улицы тянет густыми, как клей,
Звуками, криком: налей,
Мусорным резким, надрывным звонком,
Ревом младенцев, в квартале — роддом,
Из самосвала — важней королей —
Влажно сошедшим песком.
Нету здесь лишних — упавший на дно
Цокот отбойный, смех из казино
И на рояле разученный Гайдн...
Крики из кухни: "Попробуйте Тайд!" —
Немец бы вздрогнул и вскрикнул: "О, найн!"
Пробую... Мне все равно.
Кто догадается, как мы живем,
Тот окунается в город живьем.
Где на распутье трамвайных путей
Жизнь распекает, не пряча культурей,
Слыщу, грустнея, о нем.

Что же? Когда он опомнится... Нет.
Гробит незнание грозных примет.
Горе ветвей, дождь разбитый внизу.
Я-то снесу...
Строй гармонический, тема и ритм...
Миг — и он золотом будет облит!
Тусклый его безупречнейший блеск
Плач обрывает и треск.
Только-то! Выйти из пены морской —
Просто! Повторенный гул городской
улицы, порта, вокзала, слобод —
Снова — волнение вод.
Я-то что делаю? Глохну и сплю...
Да! Он — с букетом... Скрежещет "люблю!"
В реве машин его голос растет.
Каждый — по звуку найдет...
"Спишь? Отзывайся. О, выйди на балкон..."

Надо глухим быть — отчетливей звон.
Колокол бухнул. Вперед!

* * *

Пригорки покрылись веселыми стайками
Новых строений
— церквушки, кумирни,
Новые культы окутаны байками.
Молодость мира множится мирно.
В странах, где выполот каждый четвертый,
Произрастают, их будет — до черта...
Кажется, бабушка все еще крестится.
Что же... Господь доведет еще встретиться.
Знала она без особых стараний,
Надо крестить Женю, Витю и Таню.
Благословить на победу в сражении
Там и polegших Витю и Женю.
Да помянуть еще мужа Захара,
В лагере сгинувшего — нестарым...

* * *

Пробился, проник, замелькал сквозь — насквозь!
Сухая софора пустила листья.
А наша акация первую гроздь —
Просыпала, тают цветы.
И запах плывет на семи парусах,
И тенькают птички, и утро встает.
И смотрит бесстрашная тетка в трусах
С балкона, а кто там идет?

* * *

Всю зиму не выйти, туман или дождь.
Какое-то поле меня затащило.
Астролог-романтик, меня не тревожь,
Еще хиромантов сюда... Я со стула
Свалилась? Ты тоже — хорош.

Что звезды покажут? Лучи и хвосты.
И, разумеется, в звездном порядке.

Кувшин из Испании в детской закладке
Пролетает благовония. Мысли чисты.

Читаю, учусь говорить в пустоте.
Вчера разучила одну сонатину.
Д. Штейбельга. Мысли его — еще те.
А впрочем, судить не берусь. Все — противно.

Еще холоднее бессонной порой,
Средь ночи, когда отрезается доля
За долей. И стрелочник кстати, и рой
Цифирек, разбросанных в мертвенном поле.

Читая Олега

"Поедем в китайскую сторону суши?
Туда, где бродили и бродят ботаники.
Лет двести отбросим, что били баклуши...
И в путь снарядим экспедицию, Танька?
Амурскую воду еще не граничили,
Уссури в июне вскрывается бешено,
Так будем сазанов таскать из коричневых
Крутящихся вод — и лососей изнеженных.

А утренники? Там прохладней, там дышится.
Ханкайская степь — с головой спрячет сусликов,
Это про нас с тобой. Суслик не пыжится.
Ну же! Поехали! Спрячемся... Струсила?"

* * *

Ты знаешь, Нина, я больна.
Размножились грибы, наросты.
Красивым до икоты просто,
Оказывается, умереть. Хана.
Друзья не пьют. Страна в опале.
На гетманах торчат медали.

И веселятся дряхлые одры
Доглатывая кубок цинандали.
Их окружают...
Но желтый чистотел оправдывает жизнь,
И зяблик всю ее на песню положил.
Как жаль мне...

* * *

Что было бы, твердит инстинкт в аду,
Что выпало, ум недоумеает.
Что я запомню? — Я стою в саду...
А есть и тот, кто это понимает
И кроме неба в бесконечном дне
Дарует нам беспамятство, прощенье,
И долго верит в нас. Всегда. И нет
Просторнее пути к игольной щели.

Мы заслужили жизнь — какая есть.
Душистая сирень не ломится в фрамуги.
Да, есть котенок, пес. И тонкая, как жесьть,
Стена меж видимым и духом... Есть — потуги...

Противники шагают стороной,
Над нами покрывало и защита.
Кто меньше нас? И кто — на нас войной?
Да, тот, кто меньше. Истина избита.

И жизнь идет, идет. На пустяки
Меняется, равняется, боится ...
Ей полагалось в большее развиться.
Противоречья все же велики.

